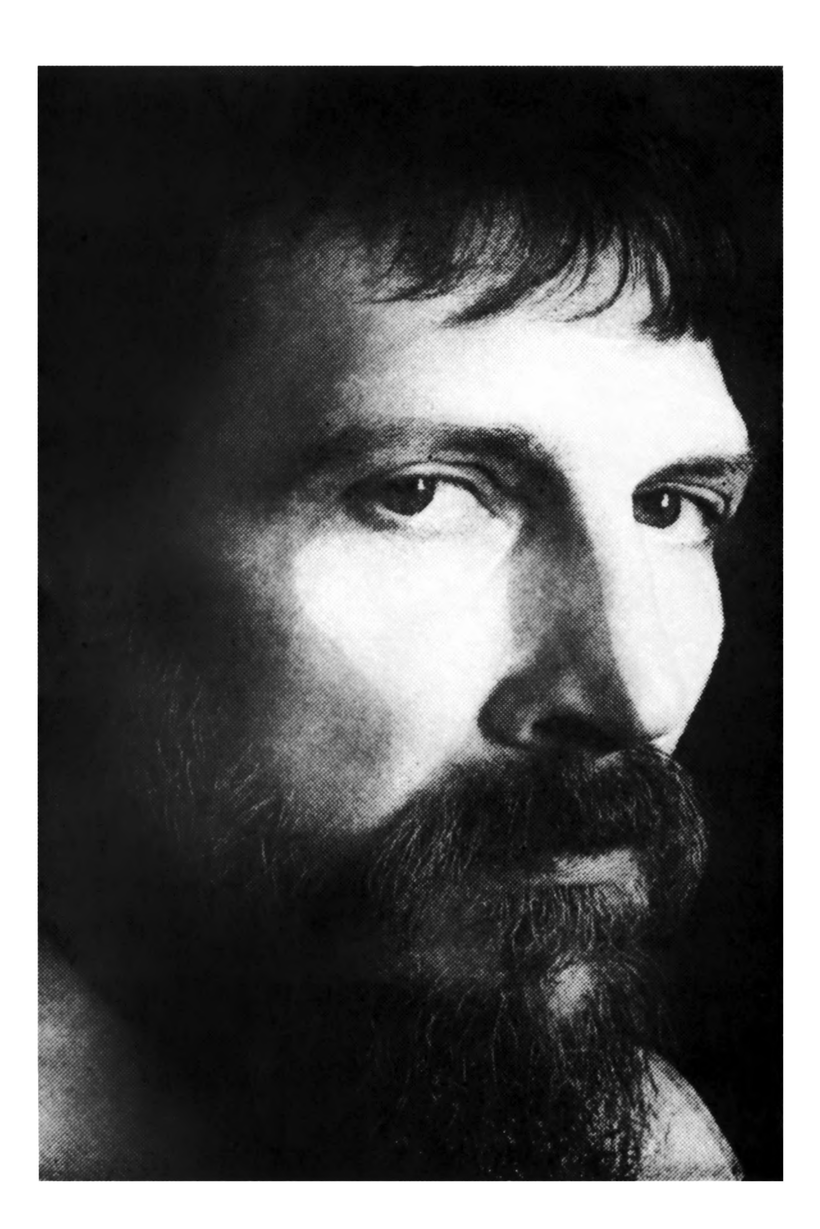
ОЛЕГ ОХАПКИН

Пылающая купина

ОЛЕГ ОХАПКИН

Пылающая купина

Первая
книга
стихотворений

Советский писатель
Ленинградское отделение
1990

ББК 84. Р7
О 92

Художник Валерий Мишин

О $\frac{4702010202-380}{083(02)-90}$ 220—90

ISBN 5-265-01283-4

Перед вами, дорогой читатель, книга, которая, кроме эстетического чувства, возбудила во мне и грустные мысли: увы, это первая печатная книга 44-летнего поэта. Еще в 1971 году, когда я впервые оказался в Ленинграде, мне называли имя Охапкина в ряду лучших ленинградских поэтов. Хотя стихи его почти не печатались (за тридцать лет творчества Охапкин опубликовал десятка два стихотворений в периодике), они расходились среди любителей поэзии в списках.

В лучших своих вещах поэт всегда опирался на традиции великой нашей литературы прошедших эпох. В городских пейзажах Охапкина сквозь его ритмы, сквозь его интонации проступает нервное, фантасмагорическое перо Достоевского; в его философских стихах — потрясенно-вопрошающий взгляд на мир, который заставляет нас вспомнить Тютчева; в особых словах, деталях описаний рассыпаны намеки на то, что по тем же улицам ходил, в те же окна смотрел Блок.

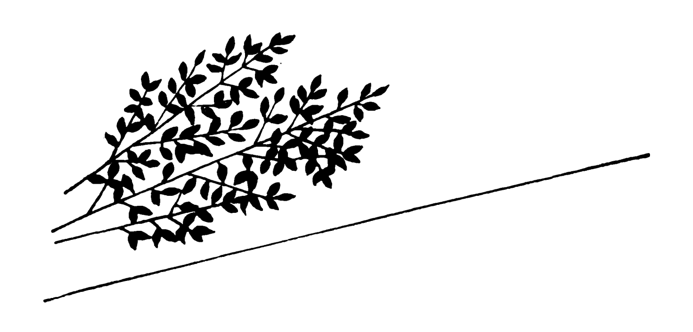
Охапкин и Пушкин — отдельная большая тема. Читая эти стихи, я вижу перед собой живой организм культуры, где художник прошлого продолжает питать его своими соками и теперь; вместе с нами он создает ее плоть; словно наш

современник, с тревогой и надеждой вопрошает будущее.

Стихи Охапкина, насквозь пронизанные капиллярами, где бьется пульс его предшественников, тем не менее носят на себе отпечаток своего времени. Именно в шестидесятые — семидесятые годы он создавал свои основные (надеюсь, пока основные) произведения. И когда я думаю об этом, то не могу отделаться от одной простой и ясной мысли: каким бы ни было тяжелым и мрачным время, если у народа есть поэты, он способен к возрождению.

Вам же, дорогой читатель, я пожелал бы узнать творчество поэта Олега Охапкина во всем его объеме.

В. Кучерявкин

ВОРОНЕНОК

Больно вороненку улетать.
На восклоне все еще видать
Старую прогорклую осину,
На сырых ветвях гнездо-корзину,
Ветхий кров под небосклоном синим,
Красную далекую осину.

Рано утром, чуть начнет светать,
Больно вороненку покидать
Серую облезлую ворону,
Что в гнезде сама себя хоронит
С каждым часом — временем вороньим,
Спящую нелепую ворону.

В небе собралась чужая стая.
Вороненок в небо улетает.
Вороненка мускулы уносят,
Потому что наступает осень
И холодной воли крылья просят,
И давно, давно уже светает.

ШАБАШ МЕТЕЛИ

Метель плясала по костям,
Крестам и скрюченным деревьям,
Поземки шелком шелестя,
Кивая в тучах опереньем.

Кресты сдувало белизной.
Скрипели сучья черствым смехом.
Луна пускалась в пляс блесной
В разрывах мглы и вихрях снега.

Я возвращался из гостей
И ждал у кладбища трамвая.
Снег вился, искрился, хрустел.
Тропа впотьмах за мной хромала.

Кряхтели вязы и дубы.
Тряслись кусты. Гудела вьюга.
Фонарь во тьму лучом трубил,
Смещая сторожа лачугу.

На кладбище тенями тел
Пурга материи мятежной.
В воротах сорванных метель
И хаос холода безбрежный.

И не сказать — чертей, но крыл
Был виден очерненный очерк.
И я калитку отворил,
И прочитал метели почерк.

Трамвай не шел. Но что с того!
Я вышел в путь навстречу ветру.
И черный ветер-вестовой
Ворвался в душу с темной вестью.

То был межвременья сигнал.
Метель теней кружилась в плясе.
Но я-то знал, но я-то знал,
Что мир по-прежнему прекрасен.

ПОЛДЕНЬ

Корзиной линий, тяжестей, объемов
Ломился сад, налившийся в плоды.
Там средь ветвей на ртути водоема
Светилось лето блюдом золотым.

Там в воздухе лениво шевелились,
Как водоросли, волосы травы.
Сквозь подорожники на вытоптанной глине
Следило солнце за жуком в пыли тропы.

Там яблоко томилося от вздутья,
Тревожно нависая и круглясь,
И тут же, в стороны выпрастывая прутья,
Внезапный вихрь пускался в пляс.

Я загорал, уткнувшись подбородком
В медовый полдень медленных шмелей.
Один из них, пузатый и короткий,
Сосал цветок в зеленой тишине.

Другой над головой моей метался
И дул в фагот, свой оглашая лет.
Двух мотыльков качало в танце.
Цветы накапливали мед.

Мне ленью голову томило.
А тело внятно мыслило само.

Оно с травой цвело неуловимо.
Я прорастал, ветвист и босоног.

Весь сад был едким зельем переполнен.
Он бражничал в опаловой жаре
Лучей и бликов, зайчиков и молний,
И отражений водной ряби на коре.

И эта, в семя прущая травища,
И эти ягоды, созревшие на срыв,
И этот сок стволов коричневых
Вдруг брызнули, во мне заговорив.

И я узнал родство свое по крови
Со всем гудящим садом дневных сил,
И ощутил вселенское здоровье,
И, точно куст, листвой зашевелил.

* * *

Люблю полузабытые стихи.
Они и сокровенны, и тихи.
Незримы как полдневная роса,
Они тебе не лезут на глаза.

Люблю полузабытые слова.
Они как прошлогодняя трава.
В ней тихо прорастает память-сад.
Глядишь, а там уж яблоки висят.

ДВА ВОСЬМИСТИШИЯ

1

Что тихо вдруг?.. Какой объемный миг!
Громада Мир дохнет, и как бы эхо...
Так ощутим тот черепаший сдвиг —
Дюйм времени, произрастанье меха.
Стемнело. В сумерках кочевье фонарей.
Ток тронулся по мускулам и коже.
Вдруг пес из-за угла. За ним — прохожий.
И сердце дикое заерзает в норе.

2

Глухой ноябрь. Седеющая мгла.
Дремучий Космос космы в город свесил.
Трамвайный рельс погаснет, весь — игла,
Метнется тень, теряя равновесье.
Из тишины возникнет хрупкий звук.
То будешь ты. Точь-в-точь в сиянье света
На каблучках, как отголосок лета,
Сверкнешь мне бабочкой средь уличных
излук.

* * *

Мы шли по городу сквозь сон.
Фонтанка, помню, за плечами.
Нас фонари впотьмах сличали
И встречной лужи взгляд косой.

Шел дым неоновою мглой.
Пространство теплилось туманом.
Фонтанка небо подымала.
Оно на плечи волн легло.

Шел теплый вечер тьмой в пальто
С овчаркой шорохов и всплесков.
Шли провода прозрачной леской.
Был напряжен неслышный ток.

Мы шли. Нам было все равно:
Углы, проулки, повороты...
Шла ночь из каждой подворотни.
Такси спешило стороной.

Одно осталось: ты была.
Твоя рука в моей теплела.
Лишь помню: шел туманом слева.
Ты над Фонтанкой мглой плыла.

* * *

Трубила в рог пурга. С простором в срок
Проснулся я. Зима едва дышала.
Так тихо вдруг, что неба глубь дрожала
И пенился в душе мгновенья ток.

Прошел циклон. В окно сверкает двор.
На скатах крыш тяжелые покровы.
И толща облаков с трубою вровень.
А в сердце — времени напор.

В артериях как жар клубилась кровь,
И мать моя чуть кашляла спросонок,
Безлистые деревья на газонах
Дышали в такт, не нарушая строй.

Во всем был сдвиг и небывалый ритм.
Деревья мыслили, накапливая листья.

Лист Слова ждал, а тишь — евангелиста.
Казалось, облако вот-вот заговорит.

И каждый миг, сам по себе весом,
Стал различим любым своим оттенком.
Так мир возник. Фонарь скользнул на стенку,
Качнулся тюль и продолжался сон.

* * *

Гляди в окно, гляди в окно!
Там всё в последний раз:
Дымов тугое волокно,
С карниза снега толокно,
Фонтанки ржавое пятно —
Брезент и полотно.
Твой день железный без прикрас,
И все в последний раз.

Гляди в окно, гляди в окно!
Там вьюги ветхий газ.
На кровлях выкройкой сукно.
Белейшее оно.
И это было так давно,
И вновь тебе дано.
И ты опять не сводишь глаз,
И всё в последний раз.

Гляди в окно, гляди в окно!
Там жизнь пройдет без нас.
Лишь этот миг песком на дно
С тобою заодно.
Но сердцу не забыть одно
Небес нетленное рядно
И солнце — ярый, ясный глаз —
Нерукотворный Спас.

В НЕНАСТЬЕ

Затянет небо тучами.
Повалят хлопья мглы.
Я сердце вдрызг замучаю
О грустных рифм углы.

Пойду к тебе на улицу.
Ненастье валит с ног.
Ты мне навстречу, умница,
Чтоб ждать я не продрог.

Тебя увижу издали
Прямую на ветру.
Такую в сердце издавна
Ничем я не сотру.

Глаза твои заплаканы.
Печальный голос тих.
Ты мне подымешь лацканы
И взгляд упрячешь в них.

Нечаянной разлукою
Слова твои полны.
Живой сердечной мукою
Зрачки осветлены:

Любовью неугаданной,
Безвинною виной,
Планидою недоданной,
Чужою стороной,

Где ты одна с судьбиною,
Куда мне входа нет,
Бредешь впотьмах с лучиною
На непонятный свет,

Где я, не понимающий,
Куда, зачем гляжу,
Твой образ, исчезающий
Как снег, в руках держу.

* * *

Я верую в спасенье,
В тишайший день субботний,
Когда тебя, весеннюю,
Я жду у подворотни.

Кругом сумбур и сутолочь:
Машины, люди, зданья,
Но в тишину укуталась
Минута ожиданья.

Она легонько тикает,
Невнятно лепеча,
Певучая и тихая,
Как в алтаре свеча.

И в этом ясном пламени
Лицо и голова,
И набережной камни
Озарены едва.

В глазах — дерев качанье
И влажный неба свис,
И всех молитв нечаянней
Заплаканный карниз.

С утра, капелью звякая
О черный диабаз,

Весна зеркальной склянкою
Порадует твой глаз,

Когда сойдешь, вечерняя,
Мглы сумерек свежей
В неоновом свеченье
Преданьем этажей.

* * *

Когда бесплотный вечер
Войдет в мою печаль,
Забуду звуки речи,
Бредя в пустую даль.

Не буду знать, о чем я
Жалею, что со мной.
Заплачу от молчанья.
Весна тому виной.

И сердце вдруг услышит
В тот сумеречный час:
Душа крыла колышет,
Как тени при свечах.

И загляжусь в проемы
Вечерних тусклых крыш,
Шатаясь по району,
Где храм от солнца рыж.

Там крест на колокольне.
На нем — громоотвод.
Колокола спокойны
Уже который год.

Но вечерами слышен,
Как музыка сквозь сон,
Не то сквозняк по крышам,
Не то забытый звон...

Как будто шелестенье
Не помня до поры,
Безлистые растенья
Поют из-под коры.

НОЧНЫЕ ПРОГУЛКИ

Пройдут дела, заботы,
Ненастный день с утра,
И отдымят заводы,
И отгудят ветра.

Грузовики умчатся,
Троллейбусы, звонки,
Проверят домочадцы
Задвижки и замки.

Прохожие исчезнут,
Погаснут этажи,
И заглядятся в бездну
Уснувшие стрижи.

В небес седую накипь,
В барокко лунных ниш
Ночь впишет Исаакий
Среди ребристых крыш.

Неоновые лампы
Прольют свой льдистый свет,

Львы с поднятою лапой
За мною выйдут вслед.

И птицею большою
Метнется тишина,
Как если бы с душою
Условилась она.

* * *

Что неслышно творится во мне,
Это все происходит в природе.
Видишь, сердце светлее вдвойне?
Это солнце любви на восходе.

Вот уже я разбужен с утра
Небывалой тревогой в полнеба.
Это сила земли. Как щедра!
Это знак, что мы счастливы оба.

По верхушкам пустых тополей,
По ветвям их, как пальцы по струнам,
Ветерок пробужденных полей
Пробежал чудотворным перуном.

И такая стряслась тишина
В этот творческий миг прорастанья,
Что душа, как свеча зажжена,
Не мигнет после сна и восстанья.

СВЕТ ВЕСЕННИЙ

Люблю вечерний тихий свет!
Горит в полнеба день прошедший
И солнце глазом сумасшедшим
Глядит, глядит кому-то вслед...

Люблю вечерний тихий свет:
Костер усталый стен кирпичных,
Над трубами стрижей привычных
И самолета грустный след.

Люблю вечерний тихий свет:
Сосредоточенность терпенья,
Дерев над почвою корпенье
В теченье неуклонном лет.

Как не любить вечерний свет
С беззвучными колоколами
Над кровлями и куполами,
Когда душа поет в ответ!

Люблю вечерний тихий свет!
Он в мерном шелесте Фонтанки.
Его блаженные останки
В душе моей, где тленья нет.

Свет невечерний, свет весенний,
Свет вечереющей любви,
Свет пробужденья, свет спасенья,
Все, что ты взял, благослови!

ПОРТРЕТ

Зачем гляжу на твой портрет?
Мне этой мысли не осилить.
Но здесь магический секрет
И линии перекосились,

И все тревогой смещено:
Плечо, рукав, щека и шея,
И ясно так освещено,
Что прядь волос на лбу рыжеет.

Здесь ожил черно-белый тон.
На горло тень от подбородка
Легла, как бы неслышный стон.
И труден этот вздох короткий.

Его стерпеть невмоготу,
В тоске читаю, как по нотам,
Прекрасной шеи наготу
За душным платья отворотом.

И каждая твоя черта
В моих руках берет начало.
Такую тишь читать с листа...
Всегда бы так со мной молчала!

Но за тобой такая мгла —
Не втиснуться в нее, не влиться,
И если бы душа могла,
Она б в ней высветила лица,

Она бы вылепила их —
Всех тех, кого в других не видим,
Ведь там, среди любимых тих,
Стоял и я, почти невидим.

* * *

На лице твоем прекрасном
Я тебя не отыскал.
И теперь во мне напрасном
Тишь, и горечь, и тоска.

Я приду к себе разбитый.
Подо мною скрипнет стул.
Будто кто от взора скрытый
Над душой моей вздохнул.

До того впотьмах прогоркло
Запустелое жилье,
Что в глазах моих намокло
И горчит лицо твое.

За окном кусты, газоны,
Звезды: Лебедь, Альтаир...
Подышу ночным озоном,
Погляжу на вечный мир.

Посижу, поотдыхаю,
Что-то вспомню невпопад,
И с надеждой, не тоскою
В завтра гляну наугад.

Там знакомые все те же,
Чуть размытые черты.
Облака светлей и реже.
Это солнце. Это ты.

И пока я помню это,
Мне еще видны вокруг:
И созвездья, и планеты,
И деревьев полукруг.

ИЗ ЛЕТНИХ ВЕЧЕРОВ

Июнь... Какие вечера!
Какое медленное лето!
Средь нескончаемого света
Пойми, где завтра, где вчера.

Неярок северный пейзаж.
Кусты, поля полупустые,
Да птичьи крики холостые,
Ветл скудный вид... Вот Север наш.

Зато уж небо — небеса!
Блеск без конца. Не наглядеться.
Всю ночь мне никуда не деться —
В полнеба света полоса.

А вечера, а вечера!
Я с них и начал. Это чудо.
Покой усталый отовсюду
И шорох птичьего пера...

И смутный призвук — теплый тон,
Как звон далеких колоколен.
Он гармонически спокоен,
И все ж напоминает стон.

Так у аккорда обертон,
Хотя и взят аккорд в мажоре.
Но есть в полях печаль о море
И хаос в карканье ворон.

И каждый вечер, им смущен,
Смотрю я, грустный поневоле,
На вечереющее поле,
Страданью мира приобщен.

И он лежит передо мной,
Притихший мир с коровьим взглядом,
И грусть моя белеет рядом —
Фонарь на кровле жестяной.

* * *

Будет небо сплошной оглушительный шар
В синем зареве медного полдня.
Раскаленных лучей ослепительный жар
Вспыхнет славою Лета Господня.

Будут медленно длиться веков облака,
И в немыслимом их промедленье
Ты почувствуешь вдруг, как печаль велика
Видеть Землю с небес в отдаленье.

И очнешься, душа, и окажется вдруг:
Ты дремала, как небо издревле.
А во все это время в тебе и вокруг
Вечный Разум сквозит и не дремлет.

Он, как тайна и страсть, проникает во все
И живет глубины прорастаньем.
Это Он так щемяще томит и сосет —
Мир смущает неведомым знаньем.

Это Он, это Он и в жуке, и в траве,
И во всем, что в томлении дышит.
Видишь, мыслит в ладони твоей муравей,
И трава себя творчески слышит.

Так и ты, так и ты Его должен сознать!
Потому и разлегся в сторонке —
Весь в слезах, муравья со щеки не согнать, —
Столько страха, как счастья в ребенке.

В ГРОЗУ

О твоем отчаянье не стану
Спрашивать. Оно во мне.
За тебя, с тобой молчать устану.
Потемнеет облако в окне.

Вот уже и грусть легла на губы,
И темны твои глаза.
Будто высоко запели трубы,
В небе грянула гроза.

Вихрем пылевым растрепан тополь.
Мчатся, мчатся облака.
Хлынуло. И смыло с листьев копоть.
И душа легка, легка.

Мы с тобой замешаны в стихию.
Этот ливень по моей вине.
Что я сделал! Молнии такие,
Будто с небом ты наедине.

* * *

Такие в августе бывают вечера.
Блеск облаков над крышами неярок,
А Ленинград твой росчерком пера,
Почти как встарь, намечен без помарок.

Его старинную простую красоту
Ты незатейливой душой припоминаешь.
И остановишься невольно на мосту.
Куда плывешь, едва ли понимаешь.

Такие в августе бывают вечера —
Преданья достоевских, невских арок.
Мерещатся притоны, кучера
И парус рыбаря, и скрып флюгарок.

И финский вечер тот же, как тогда,
Но с примесью промышленного дыма.
Варяжской Ладоги былинная вода
Цветной мазут несет неуследимо.

Такие в августе бывают вечера.
Мерцает солнца тающий огарок.
И все, что было милого вчера,
Внезапно вновь дается, как подарок.

И ты глядишь на медленный закат,
Не зная сам на что еще надеясь.
И прошлое милее во сто крат,
Чем весь твой век, которым не владеешь.

* * *

Я помню: есть такие вечера.
Они — случайный дар весною ранней.
Уже давно бы сумеркам пора,
Но дню не перейти гремящей грани.

И долго различаешь без труда:
Сочится солнце наподобье ранки,
И запад, раскаленный как руда,
Того гляди расплавится в Фонтанке.

А в тишине последних этажей
Немытых окон мартовское тленье,

И храм вдали все ярче и рыжей,
И облака пылают, как поленья.

Они слоятся, рушатся, звенят,
На голоса расходятся и реют...
А где-то трубы черные дымят,
И между тем заметно вечереет.

И дня уж нет. В сиянье облаков
Он еле слышен музыкой багровой,
Как будто горний отблеск ледников,
Уже померкнуть в вечности готовый.

* * *

Есть вечера, когда пробьется луч.
На памяти твоей одно былое.
И небеса сверкают из-за туч,
И воздух заревом расслоен.

Он зыбок, будто океан,
И полыхает, розовый и сизый.
Над озером вздымается туман,
И ряска зеленеет ризой.

В глазах пылающий закат
И мол на отмели простора,
Бурьяны пустыря и тусклый сад
В подробностях строительного сора.

И с запада — хоралы облаков
Под сиплые гудки портальных кранов,
С востока — звездный след подков
И шлемы золотые храмов.

И в сумерках глядишь туда,
Откуда колокол чуть слышен,
И, точно звон, прошедшие года
Опять проносятся над крышей.

И вот уже совсем темно.
Над городом зажглось электропламя.
И купола давным-давно
Чернеют мутными стогами.

Тогда стенает неба тишина
Громоздкими аккордами органа.
И жизнь твоя по гроб не решена.
И даль глуха, как прежде урагана.

* * *

Когда глядел я на тебя
И предо мной ты, как в киоте,
Молчала, книгу теребя,
Мерцало небо в позолоте.

Там шла вечерня облаков,
И доносилось из-за окон
Глухое пение стихов,
И солнце жгло твой рыжий локон.

И всю тебя прошла насквозь
Весны вечерняя молитва.
А в окна дерево рвалось,
И там в ветвях кипела битва.

А на руках твоих закат
Сгорал дотла, желтей огарка,

И скат плеча был так покат,
Как будто ты — сквозная арка.

Тогда я вглядываться стал
В твои черты, в лицо живое,
И кто-то нас перелистал,
Как ветер ветви над землею.

И мне запомнилось одно:
Твоя щека искала встречи,
Клонилась грудь, молились плечи,
Ломилось дерево в окно.

ОСЕНЬ

Унылая пора! Очей очарованье!

А. П.

1

И наконец настала тишина.
С утра в природе искренняя осень.
Она вошла, как в воду входят лоси,
И воздух терпче старого вина,
И яблоко белеет на подносе.

2

Тень августа уходит со двора
Неярким полднем греющего света.
Успение листвы, кончина лета,
Прощай, прощай, прекрасная пора!
Твои дары — разменная монета.

3

Привет вам, тихие подарки сентября!
Костры рябин, туманы на газонах
И в золоте стареющий подсолнух,
Осока тощая в отливах серебра,
Мерёжи паутин в глухих затонах!

4

Уж кроны лип неясной желтизной
Подернуты, и высохшие стебли
Торчат в траве, и клен едва колеблет
Багровый лист, как маятник сквозной...
А солнце на суку, забывшись, дремлет.

5

И я в саду задумчиво сижу
На летней покосившейся скамейке.
А сверху на меня, как дождь из лейки,
Сквозят лучи... И в забытьи слежу,
Как новые в листве блестят лазейки.

6

А то пойду — любуюсь на залив.
На солнце по-осеннему прозрачно
Горит костер, остылый и невзрачный,
Скрипит песок и шелестит отлив,
Да изредка ворона каркнет мрачно.

7

И чудно так вдоль берега в плаще
Брести неспешно, слушая невольно
Весь этот мир, которому не больно,

Ход времени, состав земных вещей,
Как осень изменяет их спокойно.

8

Передо мною тлеющий простор.
Мерцает мгла на небе утомленном,
И дальний лес металлом раскаленным
Течет в овраг... Из тучи слышен хор —
Прощание с творением зеленым.

9

Обглоданные глыбы валунов
Качаются в воде. А рядом — чайки,
Воровки из одной прибрежной шайки,
Не поделили утренний улов,
Крикливо разбираются на стайки.

10

Во мне же собирается покой —
Подробное медлительное время.
И рост волос вдруг ощущает темя,
И ветерок тоскующий, морской,
И бытия божественное бремя.

11

И ухо различает каждый звук,
Неясное движение эфира,
Подробности изменчивого мира:
И звучный всплеск волны, и сердца стук.
Оно стучит отчетливо и сиро.

12

Вот стукнуло далекое весло...
А вот сорока оборвалась с елки,
И с дерева посыпались иголки,
Упала шишка, ветром донесло
Стук топора и радио в поселке.

13

Так в сентябре гуляю в выходной
Погожий день, гляжу не отрываясь
На клок травы, осинам улыбаюсь...
И каждый листик мне тогда родной,
И к бабочкам испытываю зависть.

14

И осенью мне дивно хорошо.
Я чувствую во всем теченье мысли:
И в шорохе густом отживших листьев,
И в том, что год почти уже прошел,
А может быть, и жизни срок исчислен.

15

В такие дни не страшно умереть —
Войти в сентябрь, запутаться в деревьях
Среди дубов, осин и кленов древних,
Как все они, спокойно постареть.
Но это все не в городе — в деревне.

16

Там тишина. А все, что в тишине
Тревожного, — всегда возможность мира.

Так жизнь моя — отрывок из клавира —
Еще звучит и теплится во мне,
Пока в нее еще осталась вера.

* * *

Люблю морозными ночами
Сидеть у стылого окна,
Когда сама собой, одна,
Душа не разрядит молчанье,
И в небе звездочка видна.

Тогда невыразимо тихо
Сосредоточен мысли ход,
И время входит в обиход,
Как бы иного смысла эхо,
Его стихов беззвучный код.

И этот смысл иного мира
Настолько в то мгновенье тих,
Что тишиной нисходит стих,
И в нем слышна одна лишь лира,
И та чуть слышно средь помех.

Но звук ее уже ритмичен,
И под рубашкой сердце вслух
Уже скандирует за двух,
И каждый сжим строкой подхвачен,
И мысль захватывает дух.

ТИШИНА

Кто мне скажет, что такое тишина?
Эта музыка мелодий лишена.
Точно выцветшие нотные значки,
Расползаются по стенам паучки
И натягивают струны на карниз
Там, где муха, незадачливый горнист,
Протрубив свое последнее «прости»,
Не успеет даже дух перевести.

Кто мне скажет, что такое тишина?
Это искренность. Немотствует она.
Потому что настороженную тишь
Лживым ухом ни за что не различишь.
Даже если ты оглохнешь, или вдруг
Позабудешь, что и время — это звук,
Даже если у безвременья в плену
Кровь звенящую ты слушаешь одну.

Кто мне скажет, что такое тишина?
Это грусть моя, в меня не вмещена,
Непомерна и вещественна, стоит
За душою и черты свои таит
В тихой звездочке, мигающей слегка,
В мерном шорохе седого паука,
В ритме мысли и дыханья без конца,
В вечной ясности Господнего лица.

* * *

Ритмично и мерно качаются дни,
Созвездья смещаются ночью.
Ход времени снам и качелям сродни,
И это я видел воочью.

Я помню отливы и берег морской,
Вечерней природы затишье,
Покой деревенский и шум городской.
Все это — лишь четверостишье.

Оно, что и время, — качели, волчок,
Ритмичная шутка, затея.
В деревне за печкой стрекочет сверчок,
А в небе — ручей Водолея.

Все это и то, что забыл помянуть, —
Дыханье коровы, к примеру,
Мешает мне в городе ночью заснуть,
Тревожит эфир, атмосферу.

И ритмом качает волна за волной
Ход времени вещую душу.
Курю сигарету, слежу за луной —
Качаю и море, и сушу.

Умерь, амфибрахий, вселенскую тишь!
Раскачивай утлую строчку!
Пока не расслышу, как дышит камыш,
Не слышу и времени качку.

* * *

Душа моя, зачем тебе летать?
У нас, людей, не вырастают крылья.
Не лучше ли с утра с постели встать
И отложить напрасные усилья?

Не лучше ли, душа моя, забыть,
Откуда мы пришли с тобой однажды,

И в буднях ежедневья полюбить
Обычный день, что не дается дважды?

Не лучше ль крыльев — ноги, две ноги
И две руки; штаны, пиджак, рубаха?
Пока не надоели сапоги,
Не хватит ли нам пешего размаха?

Всего-то и усилий — два шага
С постели до стола. Полет без риска.
Для этого нужна одна нога,
Другой подвинешь стул, он где-то близко.

Одной рукой блокнот найдешь, другой
Нащупаешь в стакане авторучку.
На кой тебе крыло? Скажи, на кой?
И без него рука поставит точку.

Смотри, и стол достаточно высок,
Чтоб разглядеть в окно сугроб январский.
А у окна — старинный образок,
И в форточке — звезда — подарок царский.

КЛАДБИЩЕ В ЛЕСУ

Памяти Е. И. Горшковой

1

Как тянет в кладбищенский лес,
Где сосен мерцающий блеск,
И тишь от вершин до небес,
И горнего облачка брезг.
Как тянет в кладбищенский лес,
Где слышен валежника треск,
Где тени стволов и кресты
В забвенье наводят мосты.

2

Там солнце бессмертно молчит,
Во мху утопают лучи,
Кукушка из чащи звучит,
В овраге мелеют ключи,
Вдали электричка стучит,
Динамик орет с каланчи.
Там вечная шепчет хвоя.
Там где-то могила твоя.

3

Но это еще не конец.
Вглядись в эту морщь на коре!
Под ней накопленье колец.
То — память о лучшей поре.
Так помнит скворешню скворец
В заморском своем декабре,
И есть эта грусть о земле
В скитаниях на корабле.

4

Пускай же нам грезится путь
Отсюда, сегодня и тут,
Откуда ничто не вернуть,
Куда нас деревья зовут.
Ведь, если немного рискнуть,
Кладбищенский лес — это суд,
Где время и вечность — сейчас,
Где каждый подсуден из нас.

5

Там каждый разлапистый куст
И каждый щебечущий лист —
Пророк, богослов, златоуст,
Апостол и евангелист.
Ужасен песчаника хруст,
И почвы состав каменист,
Но трудится творческий плющ,
И камень становится сущ.

6

Чего же бояться, чудак!
Животного страха тщета
В дому этом светлом — чердак.
Душа отстрадавших чиста.
Приятен ей траурный мак
И нищая правда креста,
Затем что кладбищенский бор
Шагает за дом и забор.

7

Пойдем же туда, посидим!
Веди меня, время, веди!
Там приторен тлеющий дым
Венков прошлогодней беды.
И манит войти молодым
В прозрачные сосен ряды,
Где можно расслышать в тиши
Кукушку бездомной души.

* * *

Жаркие стрекозы
Реют у пруда.
Нет милее прозы:
Ряска и вода,

Резкая осока,
Илистый затон,
И совсем без прока
Карканье ворон,

И совсем некстати
Туча вдалеке,
Солнце на закате,
Грусть на сквозняке.

Северное лето,
Нищее тепло,
Лютик из кювета,
Мусор и стекло,

Щуплая береза —
Ветка до земли,
Мерин из колхоза
В городской пыли.

Это ведь и есть твой
Путь, стезя твоя —
Мир в округе местной,
Тихая хвоя,

Ельник придорожный,
Луч в березняке
И слегка тревожный
Щебень на песке.

КАТАКЛИЗМ

Перед грозой жара, как дух,
Парит над яблоневым садом,
И воздух ужасает слух
Неразорвавшимся снарядом.

Такая в мире глухота,
Как в Судный день пред трубным гласом.
И, точно порох, — духота,
И небо падает фугасом.

И даль пылищей смещена
В небытия стоячий хаос,
Где даже тень умерщвлена
И сад провис, как блеклый парус.

И ожидать уже нельзя.
Нужны подземные удары,
Чтоб тучи, медленно скользя,
Обрушили на мир кошмары,

Чтоб, ошибаясь каждый миг,
Зигзагом вспыхивало время,
И это был вселенский сдвиг —
Пространства сброшенное бремя,

Чтоб хлынул дружный водопад,
Смывая прошлого приметы,
И содрогался невпопад
Простор прогневанной планеты.

ПЕЧАЛЬНЫЙ ДЕНЬ

Печальный день. Читаю в тишине
О Пушкине, о том, как изменили
Ему друзья. Он так же одинок
В своих стихах, как одинок пророк
Исайя, которого он видел
В заснеженной и черной деревеньке —
Полуденный пришелец босоногий,
Ужасный шестикрылый серафим
В пустыне мрачной нашего сознанья.
Он огненным глаголом грудь мою
Рассек и раскаленный смысл водвинул
В потемки сердца отрока чуть свет.
Мне минуло тогда двенадцать лет.

Теперь мне двадцать три. Но до сих пор
Мне памятно его прикосновенье
И страшен откровенный разговор
Наедине с его крылатой тенью,
А крылья непомерно тяжелы.

Вот и сейчас. Читаю, как тогда,
Его стихи о гении, свободе
И вечном самовластье на земле,
От коего поэту нет защиты.
И дальше не могу. Смотрю на солнце.
Там за окном оно едва проглянет
И спрячется. И я под гнетом туч
Невольно цепенею, столь тягуч
Безвременья унылый окоем,
Что мне темно и с Пушкиным вдвоем,
Настолько очертанья косной тьмы
Напоминают бесов достоевских
И до сих пор почти не изменились.
И это — наше отношенье к ним.

Но, слава Богу, солнце не замаешь.
Оно все так же освещает мрак
И незаметно изменяет климат.

НА БЕРЕГУ

Раз у окна я наблюдал закат.
Мне показалось: жаркий диск наполнен,
Как парус, тихим временем небес,
И оттого наш день так величаво
За горизонт спускается, и я
Сижу на берегу, как древний эллин.

Передо мной лазурный Океан,
И Гелиос в нем поднял ясный парус,
Дабы объехать за ночь нашу твердь
В своем челне, и завтра о заре
Разгорячить крылатую четверку
И на небо подняться в колеснице.

И вот, едва пришло мне взять словарь,
Чтоб уточнить по нем детали мифа,
Ну, мало ли чего да не напутать
В Гомеровых делах, я оглянулся
И вдруг увидел вечер.

Там вдали
Над крышами застроенной округи
Обыкновенный чистый край небес,
И тишина, и черные антенны...
На запад раскаленной полосой
Стекает свет, в песке блестит бутылка,
Точь-в-точь хрусталь, — мгновения поток,
Всплеснув, ее тотчас же подхватил

И погасил, а сам несется вскачь
Вдоль пустыря, сверкнув консервной банкой,
Песчаником прощально полыхнув,
И, обмелев, теряется из виду,
Как будто солнце высосал песок.

А парус, парус...
Это был мираж.
Вечерняя уходит электричка.
Повис гудок... Я слышу: вдалеке
Ночная птица плачет без причины.

НА ГРАНИ ОСЕНИ

1

Жара стояла вплоть до сентября.
Но и тогда не наступала осень.
И старость не коснулась вечных сосен,
Как вдруг сказалась власть календаря.
Еще вчера, когда почило лето,
Взошла луна, долины серебря.
Она была старинней эполета,
На вицмундире вечности горя.
Но мутный знак стареющего света
Не понял я, по правде говоря.

2

И вот теперь, уже за гранью дня,
За перевалом лета в полуночи,
Я постарел и прежних полномочий
Не возвращу. Они не для меня.
Я их забыл, не помню, забываю, —

Молчу и плачу, голову клоня.
Гляжу на осень, сипло подвываю
И слезы лью, едва ль кого кляня,
И с сентябрем куда-то убываю,
Минувшего, как писем, не храня.

3

Но, забывая древний горизонт,
Я помню современности приметы —
Двадцатый век безвременной планеты,
Где все на всех — смертельный этот фронт.
И я, как все, в бреду военных слухов
Ищу на карте мрачный Ахеронт
И город Дит — столицу злобных духов,
Кого от Данта не спасет и грунт,
Чуть серый цвет шинелей и треухов
Сойдет на нет и замирится бунт.

4

Пускай же небо тяжелей свинца,
В разрывах мрака синева поблекла,
Но летнее замедленное пекло
Сквозит загаром в бледности лица.
И я дивлюсь на выжженную зелень.
Лес, точно печь цветного изразца,
Где мир в огне, горяч и неподделен,
Хранит следы разумного резца.
И если упаду в него, прострелен,
То и тогда в нем свету несть конца.

ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ

Давно так не звездило по ночам.
Все осень, осень, облака да тучи.
Эпохи поворот тем круче, круче,
Чем чаще люди ходят по врачам.
Увы, меня не тронула простуда.
Хоть весь продрог, я не о том скорблю.
Гляжу в пучину в жуткой жажде чуда,
Но не дано разбиться кораблю.

Давно так не звездило по ночам.
Все ветер, ветер, сумрак и ненастье.
Пусть непогода треплет наши снасти,
Но бури нет и дождь по мелочам.
Так муторно, что хочется к причалу.
Но берег, берег... Это позади.
И плаванье не обратить к началу,
Когда еще бессмертье впереди.

Давно так не звездило по ночам.
Все свечи, свечи, тусклая каюта
И паруса в полете без приюта,
Да ржавчина по доблестным мечам.
И ужас наводящая свобода,
Когда покой — как призрак в тишине.
И дух не утоляет непогода.
И вечный парус, парус при луне.

Давно так не звездило по ночам.
Все бегство, бегство, комната и книги.
В пространстве — туч имперские квадриги,
В столетьях — плач все видевшим очам.
Лишь палуба Летучего голландца
Вне времени, законов, перемен.
Но и на ней опасно без баланса.
Свободен дух, но и скитанье — плен.

В ТУ НОЧЬ

В ту ночь мы с душою затеяли спор.
Настольная лампа, луна, «Беломор».
Бумага ли, парус вдали на столе...
То — море, и кто-то из нас на руле.

О чем же мы спорим? — Не спорим. О, нет!
Над нами, над крышей невидимый свет.
А здесь между нами туман, тишина,
Настольная лампа всю ночь зажжена.

И в этом молчанье и бденье вдвоем —
Качанье метели во весь окоем,
Качанье фрегатов ночных фонарей
И крыльев незримых у наших дверей.

«То — крылья. Ты слышишь?» — Неправда,
сквозняк, —
Чихнул я. — То — ветер, и вьюга, и мрак.
«Да нет же!.. То — крылья». — Послушай,
душа,
Давай убедимся — там нет ни шиша.

Мы встали, неслышно к дверям подошли.
Сквозняк или шепот? Кого мы нашли?
— Наверное, ветер... иль, может... «Зачем!
То — крылья же, крылья!.. Меня ты ничем...»

Я щелкнул задвижкой. На лестнице тьма.
Во тьме предо мною стояла зима.

САМЫЙ СНЕЖНЫЙ ДЕНЬ ЗИМЫ

Вчера был самый снежный день зимы.
Я умотался. Снег сгребали мы.
Что делать, если служба такова!
Не все же двигать ямб, сдвигать слова!
Приходится лопатой и движком
Работать на морозе со снежком.
Кому-нибудь приходится в метель
Распутывать погоды канитель!
Кому-нибудь и нравится?.. — О, да!
Вчера и я пришел к тому, когда

Мы вышли кое с кем расчистить двор
И тротуар. Нам ослепило взор,
Едва взглянули мы на снегопад.
Нам желтизна березовых лопат
Казалась кислой, как во рту лимон.
Сугроб соперничал с известкою колонн,
А черная ворона над Невой
На перекличке с черной полыньей
Соперничала с глубью: что черней —
Крыло вороны иль вода под ней.

Работая без отдыха весь день,
Молчали мы. В ушанке набекрень
Один был. На другом торчал картуз.
Как будто на Смоленщине француз,
Приятель мой ворочался в снегу
В испарине, при этом ни гугу...
И если и шибал кого мороз,
То не его. Он так в лопату врос
Руками, что метель, его крутя
Как мельницу, молола снег шутя.

Когда же был объявлен перекур,
Мы огляделись тайно сквозь прищур

Промокших век. Мело из-за угла.
Кололась Петропавловки игла.
Она прошила ватники в местах,
Где что-то колотилось в лоскутах.
Тогда я кой-кому сказал: «Гляди!
Что там? Уж не весна ли впереди?»
И он промямлил: «Дай мне рубль взаймы!
Сегодня самый снежный день зимы».

* * *

Давно ли я лыжи готовил
И лыжную мазь покупал,
Лыжнею весне прекословил
И первую вербу проспал?

Давно это было. Не знаю,
Когда обнажился кювет.
Сегодня просохло. Седлаю
Заржавленный велосипед.

И пробую мягкою шиной
Булыжник и липкую грязь,
И, в солнце уставясь, вершины
Читают озерную вязь.

И слышу: осины листают
Старинную книгу весны,
Все главы подробно читают,
Событья опять не ясны.

Лишь времени точный порядок
Смятенье осин объяснит,
С чего начинался упадок
И что там внизу шелестит.

МОЯ ПРОВИНЦИЯ

Провинция, Сосновая Поляна!
Привет, привет, безвестная, тебе!
Здесь, как нигде, в труде я неустанно,
И время есть подумать о судьбе.

Здесь тишина. В округе спозаранок,
Едва заслышат зорю облака,
День воронья начнется с перебранок,
Враньем о туче, взятой с потолка.

Но эту ложь рассвет лишает смысла,
И карканье становится смешным,
Когда заря дугою коромысла
Качнет ведро над лесом расписным.

Лишь в этот миг, плеснувши из ведерка,
Погода разольет ночной удой.
Тогда лишь и уснет моя каморка
С последнею померкнувшей звездой.

Тогда лишь и начнется время лени.
Куда уж там на службу!.. Засыпай!
И просыпаю день без сожалений,
Не помня зла, хоть в землю закопай.

Такая благодать доступна разве
В провинции. Но это лишь мечты.
Действительность язвит. И что же язве,
Провинциал, полудни скажешь ты?

Куда они спешат — мои соседи —
Скворцы, конечно, в хлопотах с утра?..
Я мыслю, скворчик — лорд, его миледи
Обходит сад, улыбкою щедра.

Неужто лорд-скворец — мудрец-садовник?
Ему в саду копаться недосуг.
Пускай его цветет себе шиповник.
Айда пахать! Не лира кормит — плуг.

* * *

За садом вздрогнул свет и, падая, погас.
Деревню усыпил свирелью Волопас.
И в темной тишине в тональности A-dur
Валторной золотой даль огласил Арктур.

И тут же за бугром ему ответил пес,
И сумрачный эфир осиплый лай донес
До самых дальних звезд — туда,
                                        где Млечный Путь —
Прозябшая река, мерцающая ртуть...

На поле пал туман. В овраге фыркнул зверь.
Все, что душе дано, — не завтра, но теперь,
Пока с реки сквозняк трубит в тебя,
                                                        как в рог,
Ты — то же, что вода, и, как река, продрог.

ПОВЕЧЕРЬЕ

Закат. Вечерний час беззвучен. Дня отлив
  Так равномерен в мае, как в заливе
    Простор морской, валов наплыв,
    Как разговоры в перерыве,
    Не перешедшие в порыв.

То — дивный час равнин, продленный час,
Прострация деревьев дальнозорких.
Стоящие в садах и на задворках
Дубы молчат о том, как свет погас.

Неосязаем переход,
Когда, всей массой теплоход,
Медлительная дня сползет громада
За горизонт, на запад Ленинграда,
В Атлантику, в отлив, за Альбион,
И к нам в окрестности Михайловского сада
Войдет Вселенной небосклон.

В такую тишь чарующая зыбь,
Прибой невидимый иного океана,
Волненье полночи и ширь меридиана
Рассыпят светочи, тяжелой ртути сыпь,
И пригород — Сосновая Поляна
Из электрички выйдет полупьяно,
А на Валдае ухнет выпь...

И звук таинственный болотной птицы
Вспугнет архангела ресницы,
И он со шпиля над Невой
В созвездье Лиры голубой
Увидит струн лучи и спицы,
Серебряные вереницы
На нотном стане Кеплеровых сфер.
Его духовный глазомер
Определит склоненье неба:
Далёко ль колесница Феба,
Надежен ли внизу милицьёнер.

* * *

Август, осень... Раздуть костер,
С полуночи молчать, как тень.
Лето скрылось за косогор.
Угасает полярный день.

Над рекою сидеть — грустить,
На безлюдье, в тайге, в глуши
До осенних снегов гостить,
Не считать полевых гроши,

Не смотреть в календарь, но вдаль,
Не вести дневника... Пока
Север — лучший дневник. Печаль.
Комариный гул у виска.

И не помнить откуда был,
Будешь где — не гадать, молчать.
Если город тебя забыл,
Научись комарам прощать.

Так ценить научись костер
И беседу камней с рекой.
Лето скрылось за косогор.
Август, осень, печаль, покой.

ПРЕОБРАЖЕНЬЕ

Вслушайся, стихни, вглядись!
    Вечер в природе.
К солнцу очами садись!
    Вечность при входе.

Время ночами грядет,
Лета Успенье.
Осень в молчанье прядет
Преображенье.

Лес паутиной зарос,
Травы седеют.
Август в полях — плодонос.
Листья редеют.

Август-садовник стоит
С солнцем в корзине.
Жаром жаровни облит
Лист на осине.

Рдеет в осоке река.
Тени лиловы.
Времени зреют века —
Мига основы.

Ночью придет звездопад,
Лето продлится.
Утром же мир-вертоград
Преобразится.

* * *

Сегодня солнце так светило,
Как бы в последний раз
Зеленый дол позолотило,
Жалея мир и нас.

О лете чудном, быстротечном
Шептал прозрачный свет,

И на лице его предвечном
Сиял улыбки след.

В лесу осеннем и прекрасном,
Седом от паутин,
Стояла скорбь при небе ясном,
Успенский карантин.

И листья в простоте смиренной
В предчувствии зимы
О перемене постепенной
Задумались, как мы.

Притихло все в живой природе:
Кусты, осока, луг...
Всем стало слышно на свободе:
Тенёты ткет паук.

Но солнце в небе так блестело,
Как бы пришла весна.
Тогда над лесом пролетело
Крыло не смерти — сна.

НАЕДИНЕ С ОСЕНЬЮ

1

Неуследим привычный ход вещей,
И чуден миг свершения в природе,
И нет усилья в солнечной погоде, —
Глаголет лес, течет ручей.
И мысль ответствует движеньем,
Как бы в вершинах ветерок —
Чуть внятный под корою ток,
Развитый в мысль воображеньем.

2

Пока идет кореньев мерный рост,
Стремленье вод подземных, прозябанье
Травы, а под шагами прогибанье
Трясин, язык молчанья прост.
И я читаю след могучий:
Вчера здесь лось в ручей вошел,
Велик и царственно тяжел,
Порвал в кустах силок паучий.

3

Во мху водою затянулся след...
Произошло, чему и надлежало.
Недвижимый ландшафт преображало
Движенье жизни и примет.
Шло к осени. Уже в зените
Вершины лиственниц, и, стар,
Едва качается комар...
Паук ползет к нему по нити.

4

Отходную пролепетал сквозняк,
И солнце, в полдень выси не осилив,
Чуть запрокинулось, едва тепла не вылив,
Застряло в речке меж коряг.
И плещется на перекате,
И стынет золотом в листве.
Свершилось. Август в торжестве
Почил. Зола в его закате.

5

Но дале путь ведет меня. Гляжу,
Запоминаю, слушаю... За мною
Плетется тень осенней тишиною.
Глядь, уж за ней в сентябрь вхожу.
Но, час от часу удлиняясь,
Она бредет уже сама,
Меланхолически нема,
От тела тихо отделяясь.

6

И так, блуждая, тень среди теней,
Ищу в лесу пути уединенья
И различаю сладкий запах тленья
В овраге, где всего темней.
И с каждым шагом все яснее
Мерещится: в овраг вхожу.
А там уже едва слежу,
Как путь становится теснее.

ДО СТИХОТВОРЕНИЯ

Гром поздний — весть из глубины былого
Зигзагом в тучах явленного Слова —
Потряс мой слух и, рассыпая эхо,
Ядром отшелушился от ореха.

Но слышал я, и это прежде грома,
Как бы трещала в пламени солома,
Сухая тишина во мне пылала,
Потом завеса зрения упала.

Тишь рухнула за миг до катастрофы.
Уже тогда я мог расслышать строфы.
Но до событья был порог затменья,
И он страшней, чем яркий миг творенья.

Когда же туча, рухнув, полыхнула,
Врасплох застигнут, я оглох от гула
Эфирного, как бы, помыслив зримо,
Постиг ужасный образ серафима.

* * *

Чем пристальней глядишь в зенит небес,
Тем явственней с тобой вздыхает лес,
Когда, раскинув руки по корням,
Ты тишину следишь по целым дням.

Тогда в душе ни облачка, и ты,
Как бы упал, как падают листы,
Пока осенний опадает куст, —
К земле припал — всей плотью к тайне уст.

Валежник хвойный хрустнул под тобой.
Во мху утоп спиной и головой,
Ты на мгновенье телом стал, смущен,
И вдруг затих, уже развоплощен.

Но, как бы коршун, медля воспарить,
Еще не рвешь — следишь сознанья нить,
И слышишь: рядом шелохнулась мышь,
Очнулся шмель... но ты уже паришь.

И что теперь с тобой произойдет,
Уже не вспомнить. Знаю наперед.

* * *

Н. А. Козыреву

Ясней и тише год от году
Воспоминанья детских лет.
Не тьма ли в ясную погоду
К нам приближает звездный свет?

День ото дня все различимей
Судьбы знакомые черты,
И время внутреннее зримей
Во сне из внешней темноты.

Не оттого ль стареть грустнее,
Что нас младенцы мудреней,
А ночь, кромешней и темнее,
Чем вечер, вызвездит верней?

Но чем страшней и бесприютней
Наш быт глядит из мелочей,
Мы тем подробней и минутней
На черной плоскости ночей.

Там в чудных сумерках сознанья,
За гранью умного, в душе
Слоится время созерцанья —
Сон с полуявью на меже.

Мерцают памяти глубины,
Которой нижние пласты —
Младенчество, до сердцевины
Тверды, кристальны и чисты.

И там, из глубины внедренный,
Свет — перводвигатель причин —

Шар золотой и раскаленный —
Лик первобытный без личин.

Он, сам себя не сознавая,
Прекрасен, цел и просветлен,
Как бы звезда, не остывая,
В холодный космос погружен.

И, оболочкою эфирной —
Душой младенческой одет,
Сквозит в материи всемирной,
Как бы мгновенье в бездне лет.

ПЕСНЯ РУЛЕВОГО

Возвратите мне душу, Летучий голландец!
Сёр Ван Страатен, тошно молчать у руля!
Этот чертов норд-ост и морей этих танец
В этой стуже всегда где-то возле нуля...

Как обрыдла мне качка и мчанье по зыби!
Испытать бы на счастье Сторстрёмен,
Мальштром!
На штурвале тринадцатый год, как на дыбе,
Я изверился в штилях, не верю и в шторм.

Но тошнее всего эти гиблые клейма.
Эта слава... Они тяжелей, чем позор:
Знак легенды — огни — электричество Эльма,
И на реях печальный и призрачный хор.

С каждым годом угрюмей ночная работа,
Безнадежней мечта о Европе родной.
Возвращенье к причалу — постылая рвота.
В кабаке нам не снесть и минуты одной.

Мы, команда бессмертных и проклятых
духов, —
Привиденья, не люди. Увы, Капитан!
Наша доблесть в быту наваждений и слухов —
Магнетизм реквизита: зюйдвестка, секстан...

Парусами ославлены в век пароходства,
Странной белой вороной на рейдах глядим.
В наше время и снам не прощают несходства
С лжекораном наукообразных гардин.

Нас видали в зашторенный иллюминатор
С пассажирского лайнера и с крейсеров.
Нас ловили радары. Но, тщетный оратор,
Призрак в море для них, очевидно, не нов.

Но, когда, дуракам предвещая погибель,
Мы неслись против бури и шли в оверштаг,
Океан побеждал, крейсер остовом дыбил
И тонул, увлекая на дно бедолаг.

Как мне горько стоять у руля Невидимки
И молчать о виденьях былых катастроф!
Как печально вставать перед явью из дымки
Легендарных, не мною написанных строф!

Как мне больно безмолвье Истории слышать
И в безвременье время свое коротать,
Чтоб у смерти тоску о бессмертии выжать
И по капле еще не погибшим отдать,

Подвизаться живому среди привидений
Бесноватой ватаги маньяков морей,
Очевидцу пиратских, сектантский радений
Вкруг повешенных прежде
на ноках брам-рей!

Мне, как видно, не долго уже остается
Сквозь повязку дорогу беды различать,
Но корабль наш и впредь, Капитан мой,
спoется
С океаном. За это лишь стоит молчать.

* * *

Какое солнце! Неба сколько!
Как жарко раскраснелся лес,
Весь в ослепительных осколках
Стекла сверкающих небес!

Дрожат пылающие клены,
Роняет липа жаркий лист,
Звенят березовые кроны,
А воздух ясен, сух и чист.

И столько шири вдруг в округе,
Что прозвучит во весь простор
И писк синиц, и чья-то ругань,
И смех, и кашель, и топор.

Когда бы это полыханье
Под звук веселый топора
Стеснило вечности дыханье,
Пришла бы и моя пора.

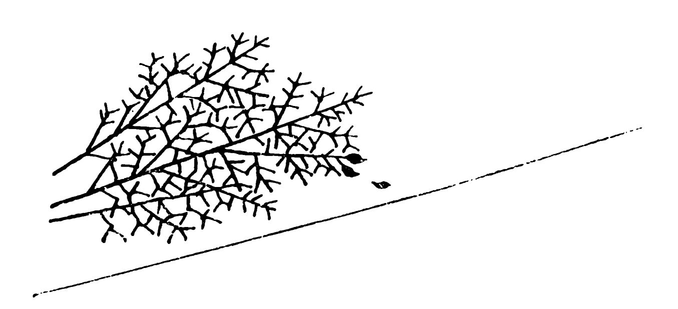
Но я стою неопалимый —
Вдыхаю времени дымок
Осенний и неуловимый,
И мой платок от слез намок.

Шепчу в припадке грусти: — Боже!
Твой мир... Зачем и я не с ним,
Когда, как он, пылаю тоже,
Когда, как он, непоправим!

ВОЗВРАТ К ДЕРЕВЬЯМ

Пока с судьбой сводил я счеты,
Стояла осень, и зима
Уж подходила. Глядь, сама
Весна стоит. Что наши взлеты
И низверженья в пустоту!
Поэзию совсем не ту
Растенья знают. Их заботы
Крупнее наших. Листопад
Куда трагичней тех утрат,
Что мы зовем разлукой с милой.
Он равен разве что с могилой.
Лишь с ней. Могила. Лишь она
Для нас воистину страшна
И грандиозна. А растеньям
Листва — не то же ль, что для нас —
Здоровье, сила?.. Всякий раз,
Как заболею запустеньем
Души, я вспоминаю тот
Глубокий обморок сезонный,
В котором вижу каждый год
Сад за окном — тайник бездонный
Природы и солнцеворот —
Древес от смерти пробужденье.

Тогда-то начинаю жить —
Наращивать живую нить
Судьбы, узлами отмечая
Весну-скудельницу, возврат
Животных сил. Таков уклад
Моей души. С собой сличая,
Я наблюдаю яблонь быт,
Их мудрости простой открыт.
Учусь у них смиренной доле
Плодоносить в земной неволе
И к сроку яблоки ронять,
Затем листву, и так стоять
До возвращенья непритворной
Весны пасхальной, чудотворной,
Когда, чуть время подойдет,
Вернутся птицы, в свой черед
Душа раскроется бутоном.
Глядь, шмель цветок сосет со стоном,
И стебли, солнце заслоня,
Выпрастывают сквозь меня
Листву могучую, живую,
Как будто я кустом ликую,
От солнца пьян, как от вина,
Пылающая купина.

СОДЕРЖАНИЕ

Охапкин О.

О92 Пылающая купина: Стихи. — Л.: Сов. писатель, 1990. — 64 с.

ISBN 5-265-01283-4

Олег Охапкин — один из поэтов, проделавший долгий и трудный путь к широкому читателю. Это его первая книга, хотя творчество ленинградского поэта продолжается уже около 30 лет.

О $\frac{4702010202-380}{083(02)-90}$ 220—90 **ББК 84. Р7**

ОЛЕГ АЛЕКСАНДРОВИЧ ОХАПКИН

Пылающая купина

Редакторы В. И. Кучерявкин и М. В. Гоппе
Худож. редактор М. Е. Новиков
Техн. редакторы Ю. А. Дианова и Е. Б. Спрукт
Корректор Е. А. Омельяненко

ИБ № 7321

Сдано в набор 08.05.89. Подписано к печати 10.11.89. М-21315. Формат 70Х90 1/32. Бумага бланочная. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 2,34. Уч.-изд. л. 2,30. Тираж 5700 экз. Заказ № 734. Цена 25 коп.

Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. 191104, Ленинград, Литейный пр., 36

ПО-3 Ленуприздата. 191104, Ленинград, Литейный пр., 55.

25 к.